

Александр Грин

Река



Александр Грин

Река

«Public Domain»

1910

Грин А. С.

Река / А. С. Грин — «Public Domain», 1910

Четыре лодочника находят утопленницу-самоубийцу и «долго разговаривают об упряמצах, предпочитающих скорее разбить об стенку голову, чем примириться с существованием различных преград». © FantLab.ru

Содержание

I	5
II	6
III	8

Александр Степанович Грин

Река

I

Живо, как будто это было только вчера, я помню рассказ Керна, выслушанный мною в обществе молодого Женжиля и Благира, дяди Женжиля, – короткий тяжелый рассказ о непонятном, невидимым якорем укрепленном в темном человеческом сердце, на страшной глубине бездн, немых для отчаяния и веры, любви и ненависти. Я расскажу по порядку.

Самуил Керн, я, Женжиль и Благир были по профессии лодочники. Нам принадлежали две лодки. Весной, когда река выходила из берегов и много всякой дряни плыло из размытых наводнением поселений – плотов, дров, утвари, – мы выезжали на ловлю всех этих сюрпризов и проводили на реке целые дни.

Однажды, в сильное половодье, проблуждав вниз по течению без толку целые сутки, мы к ночи повернули домой. Поднялся ветер, река вздулась и потемнела; было холодно, сыро; грести становилось трудно; ветром и волнением гнало лодки прочь от города к противоположному берегу. Мы выбивались из сил; ледяной воздух бил нас в лицо порывистыми размахами. Стемнело, опустился туман. Мы плыли в беспокойной тишине ночи – только гудел ветер, да тревожное, глухое дыхание сырой тьмы реки уходило без конца вдаль. Благир засветил фонарь и, соскучившись, затянул песню:

Посушимся, ребята, В трактире у Грипата, Где на веселый огонек Рыбак летит, как мотылек.

Его перебил Керн:

– А вот что, – сказал он, – ведь нам не выгрести. Переправимся на тот берег и выждем до утра. Чайник с нами – будем чай пить.

– Верно, – согласился Женжиль.

И через полчаса мы пристали к небольшой песчаной косе, за которой начинались холмы, покрытые низким кустарником.

II

Мы разложили огонь и расположились вокруг трескучего горна, закрывая плащами от ледяного ветра шеи и головы. Выколов трубку, Женжиль взял чайник и пропал в бушующей тьме.

Прошло минут пять, парень не возвращался. Вода была близко от того места, где мы сидели, – шагах в пятнадцати, но там, у воды, шумел только песок, заливаемый весенним прибоем; стихли шаги Женжиля, словно он удалился в глубину берега. Всем надоело ждать, мы озябли, хотелось по кружке чая.

Самуил крикнул:

– Женжиль!

В то же мгновение бледное, вытянутое лицо Женжиля блеснуло в кругу света круглыми, испуганными глазами. Он швырнул пустой чайник, присел на корточки и вытянул к огню мокрые, вздрагивающие ладони. Я заметил, что рукава его куртки мокры до самых плеч.

– Заблудился? – иронически спросил Керн. – Что случилось? – спокойно повторил он, заметив неладное.

Женжиль встал, встряхнулся и, прежде чем заговорить, помолчал немного, словно не давая веры собственным чувствам.

– Я поймал утопленника, – растерянно пробормотал он, нервно поворачивая лицо к шумевшему в темноте разливу. – Нечаянно схватил его за руку в воде и, конечно, забыл про чай. Кажется, хотел принести сюда, но не смог, потому что затряслись поджилки, и я ослабел, как роженица.

– Хо-хо, – протяжно протянул Благир, выхватывая головню из костра. – Миас и ты, Керн, идем. Нельзя оставлять тело мокнуть, а может быть, он еще жив.

Из всех нас в эту минуту один Керн вспомнил о чае и, нагнувшись, захватил брошенную Женжилем посуду. Взволнованные, хотя и не раз встречали людей, плывущих вниз по реке с мертвыми глазами уснувших рыб, – мы тронулись. Впереди шел Женжиль с дядей, за ними я; Керн замыкал шествие; чайник тупо побрякивал в его пальцах.

Благир поднял головню, ветер раздул ее – сотни искр взвились волнистым букетом, и дикий трепет огня взволновал мрак, разбежавшийся уродливыми лохмотьями. На песке, у самой воды, я различил темную фигуру с белым лицом. Это была женщина.

Мы присели кругом, рассматривая печальный сюрприз реки – бурной равнины мрака. Тонкая и, по-видимому, слабая была эта женщина с маленькими, посиневшими кулачками; хорошее, сшитое по моде, мокрое платье обтягивало ее липким футляром, на лицо было грустно и досадно смотреть – застывшее страдание лежало на нем, и от этого было оно еще прекраснее, как молодая любовь, обрызганная слезами. Мокрые, бронзового оттенка, волосы, свитые в один жгут, вытягивались на темном песке.

Благир щелкнул языком, развел руками и встал. Керн сказал:

– В такую ночь рискованно упасть с парохода.

– Ничего не известно, – вздохнул Женжиль. – Бывает, что и сами прыгают. А теперь как? Миас, что делать?

– Перенесем к огню, – сказал я. – А утром все пятеро приедем в город. Бери за плечи, Женжиль. Я – за ноги.

Вдвоем мы подняли труп и перенесли к костру, положив его немного поодаль, чтобы глаза наши не натыкались ежеминутно на тягостное для живых зрелище. А когда несли ее, то ноги наши ступали тихо и осторожно, а руки прикасались бережно к холодному телу, словно она спала.

Удаляясь с печальной ношей, я слышал, как булькнула позади вода: Керн наполнял чайник.

III

Опустив на траву тело, я и Женжиль молча стояли некоторое время около него, взбужденные неожиданностью, с совершенно утраченным равновесием духа, присущим людям физического труда. Я, правда, не всегда был лодочником и знал лучшие дни, но частые, подавленные вздохи Женжиля были для меня новостью. Что тронуло и что поразило его?

Наконец, оба мы, как бы сговорившись, отвернулись и подошли к огню, где Керн кипятил чай. Широколицый, бородатый, нахмуренный, он пристально следил за огнем, молча переживая событие. Ветер усилился, раскидывая по земле дымное, фыркающее пламя, и осыпал нас градом пощечин, завывая в ушах. Разговор не вязался. Наконец, мало-помалу, каждый стал разгружаться, строя нехитрые догадки и предположения. Через полчаса говорили уже о дочери миллионера, замученной жестоким отцом. Мы, люди реки, можем прилично фантазировать, потому что живем на просторе и вечно полны небом, отраженным в реке! Мы разговаривали негромкими голосами, невольно оглядываясь в ту сторону, где, скрытое близким мраком, лежало молодое тело погибшей, и мне все время казалось, что бледное, замкнутое лицо ее присутствует среди нас. На душе было невесело.

Прихлебывая мутный чай, Женжиль заявил:

– Если временно человек рехнулся, он способен на все. Вот и все, нечего тут и голову ломать.

– Дурак, – спокойно возразил Керн. – Разве это так просто? Я знал умного человека с ясной головой и с душой тверже, чем стальной рельс, но человек этот добровольно погиб.

– Раскис, – презрительно проворчал Благир. – Лопаются и стальные рельсы.

– Ты слушай, – сказал Керн. – Он не раскис, но производил вычисления. Складывал, умножал, делил и вычитал свою жизнь. Должно быть, действительно выходил нуль. Он служил шкипером на пассажирском катере, что ходит по городу, и служил десять лет.

Однажды я встречаю на пристани целую кучу народа – все кричат, ругаются. Спрашиваю: в чем дело? – Да вот, – говорит мне высокий старик в цилиндре, а сам весь дрожит от злости, – совершенно уголовное преступление. Мы, – говорит, – ехали все тихо и смиренно, каждый по своему делу, в разные концы города на катере Э 31 (где и служил тот шкипер, про которого я рассказываю). Подплыли к этой пристани, – отдали причал, вдруг шкипер отходит от колеса и заявляет: – Господа, не будете ли так добры очистить судно? – Почему? – Да так, – говорит, – надоело, – говорит, – мне возить разный сброд, идите, господа, вон. Возил я вас десять лет, а теперь у меня нет для этого подходящего настроения. – Кинулись на него, а он вынул револьвер и молча посмеивается. Спорить было немислимо. Мы вышли и, прежде, чем успели позвать полицию, он прыгнул в машину, крикнул что-то, и машинист вышел на берег, без шапки, бледный. Мы к нему – в чем дело? – Не знаю, – говорит, – с ним что-то неладное.

Тогда, – продолжают мне дальше рассказывать, – Грубер (а шкипера звали Грубер) встал у штурвала и полным ходом стал удаляться вниз, к морю. Далеко уплыл он, катер стал маленький, как скорлупка, и смотрим – взвился на нем флаг. И менее чем через четверть часа отправился в погоню катер речной полиции.

Керн остановился и посмотрел на нас взглядом, выразившим Груберу если не одобрение, то сочувствие. Потом продолжал: – Я ушел с пристани, потому что делать на ней мне более было нечего, а подробности и конец истории узнал вечером.

В тот день на море был сильный шторм, катер Грубера летел полным ходом, и полицейские, гнавшиеся за ним, пришли в смятение, потому что Грубер плыл, не останавливаясь, в бурную морскую даль, и нельзя было решить, что он намерен сделать. Расстояние между обоими катерами становилось все меньше (полицейские жгли уголь всюду, и их судно все-таки

шло быстрее), но сокращалось чересчур медленно, а волнение становилось опасным. Тогда стали стрелять из дальнобойных кольцовских магазинов, целясь прямо по катеру.

Погоня и стрельба продолжались еще некоторое время, как вдруг гнавшиеся за Грубером, к великому своему удивлению, заметили, что он поворачивает. Через минуту это сделалось несомненным; тогда решили, что Грубер боится пули и решил сдаться. Перешли на малый ход, остановились почти.

Грубер же, действительно, повернул катер и быстро приближался к преследующим. Скоро уже можно было видеть его – он стоял без шапки и улыбался. Тягостная была эта улыбка, но тогда не знали еще, что задумал безумец, презревший силу людей.

– Здорово! – прокричал он, когда расстояние между ними и им сократилось на половину человеческого голоса. – Я сейчас буду борт о борт с вами, но прежде позвольте сказать мне несколько слов.

Ответом ему было молчание – остановились и ждали.

– Десять лет, – продолжал Грубер, – я получал от компании каждый месяц сто долларов и жил скверно. Я управлял машиной, построенной человеческими руками для того, чтобы всевозможные ненужные мне субъекты переезжали с моей помощью из одного места в другое. Но мне ведь это не нужно, да и машина тоже, пожалуй, лишняя.

Не хочу я изображать сказку про белого бычка – возить для того, чтобы ждать, и ждать, чтобы возить. Изобретите для этого усовершенствованную машину.

А я захотел сегодня, как человек, имеющий право располагать собой и своим временем, выплыть в море – первый раз за десять лет.

Еще много говорил он, – много говорил потому, что не было дано ему силы тремя или четырьмя словами вывернуть себя наизнанку.

Наверно, страдал он сильно от этого, наверно.

– Подите к черту! – в заключение сказал он, оскалив зубы. Волны бросали оба катера из стороны в сторону. Тогда Грубер дал полный ход, ударил носом своего парохода в борт врага, и оба пошли ко дну.

После этой истории спасся всего один – кочегар из речной полиции, да и то бедняге пришлось держаться на спасательном круге, пока его не заметили с берега...

Керн смолк. Начинало светать, ветер смирился. Костер гас, в бледном свете зари огонь его казался призрачным и бессильным.

– Пойдемте к лодкам, – предложил я, – прошла ночь, а ветер переменял направление.

Мы встали, продрогшие и сырые от росы, разминая окоченевшие члены.

Керн и Благир понесли весла, а я с Женжилом подошли к мертвой девушке.

Первый луч солнца выскользнул из-за далеких холмов, коснулся ее лица, и стало оно немного живым, но все-таки безнадежно угасшим и замкнутым в своей тайне. Возмущение подымалось в моей душе, так жалко было эту милую красоту тела и молодости. Вероятно, я чувствовал бы себя не лучше, если бы смотрел на труп ребенка, раздавленного фургоном.

Женжиль, обдумав что-то, нагнулся. Я скоро понял его намерение. Действительно, он стал шарить в карманах юбки. Все оказалось в порядке, то есть нашлось письмо, смоченное и скомканное.

– Прочти-ка, Миас, – сказал он, протягивая бумажку мне.

– «Хочу умереть. Рита», – прочел я и сунул бумажку за пазуху.

– Сама хотела, – глубокомысленно произнес Женжиль.

– Несите, эй! – крикнул Благир.

Мы перенесли труп в лодку и, выплыв на середину, долго разговаривали об упрямах, предпочитающих скорее разбить об стенку голову, чем помириться с существованием различных преград. Затем стали грести молча, потому что – мертвый или живой – человек темен и ничего не скажет, да, может быть, это и хорошо.

А я все не мог оторваться от милого и близкого теперь почему-то лица утопленницы. Вдруг возглас, полный отчаяния, прервал мои размышления:

– Да ведь я чайник забыл!

Это вскричал Керн. Вот это было действительно непонятно, потому что он и в самом деле забыл его. Но при его положительном и трезвом характере можно держать пари, что более с ним таких фактов не повторится.